

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Диссертационный совет К053 43 01

На правах рукописи

СМИРНОВ Александр Георгиевич

**КУЛЬТУРА ЕВРОПЕЙСКОГО РЫЦАРСТВА:
ХРИСТИАНСКИЙ ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ**

Специальность 24 00 01 - история и теория культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата культурологии

00346 1 124

МОСКВА

2008

5

Работа выполнена на кафедре истории и теории культуры факультета культурологии Государственной академии славянской культуры

Научный руководитель кандидат исторических наук, профессор
Мельников Георгий Павлович

Официальные оппоненты доктор исторических наук, профессор
Лучицкая Светлана Игоревна

кандидат культурологии, доцент
Склизкова Екатерина Владимировна

Ведущая организация Московский государственный университет
им М В Ломоносова, исторический факультет, кафедра Средних веков

Защита состоится 29 декабря 2008 года в 12 часов на заседании
диссертационного совета К 053 43 01 по присуждению учёной степени
кандидата культурологии в Государственной академии славянской
культуры (123480, г Москва, ул Героев Панфиловцев, д 39/2)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Государственной академии славянской культуры

Автореферат разослан 28 ноября 2008 года

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат философских наук, профессор

С И Бажов

Диссертационная работа посвящена культурологическому анализу проблемы соотношения идеальной модели и реальности в культуре европейского рыцарства с точки зрения христианской идеологии. В ней рассматривается генезис осмысления западно-христианской церковью вопроса о войне и войнах в I - XI вв., анализируется влияние религиозного сознания на рыцарскую этику и историческую реальность конца XI – середины XIV в. Также исследуется практика крестовых походов и духовно-рыцарских орденов, целью которых современники провозглашали достижение религиозного идеала.

Актуальность темы исследования. Проблема идеала и его реализации в историко-культурной практике является одним из важных аспектов культурологического знания. Исследование данной проблемы на примере средневекового европейского рыцарства имеет как научное, так и социально-практическое значение.

Категория идеала присуща человеческому сознанию любой эпохи. Она имеет фундаментальное значение для понимания специфики каждой культуры исходя из присущих лишь ей приоритетов и ценностных ориентиров. Сама же эталонная модель тесно взаимосвязана с социокультурной практикой, что определяет её влияние на ход исторического процесса. Анализ соотношения идеала и реальности приобретает немалую ценность в свете пристального внимания современного гуманитарного знания к исследованию (в синхронном и диахронном аспектах) ментальности представителей различных культур, а внутри конкретной культуры – мировоззренческих особенностей разных сословий и социальных слоев.

Необычайно ярко взаимосвязь этического эталона и практики прослеживается в культуре европейского рыцарства. Породившие этот институт социальные отношения быстро обрели комплекс ценностных стереотипов, повлиявших, в свою очередь, на дальнейшую судьбу данного сословия. Рыцарство как часть социальной структуры, сословие средневекового общества и социокультурное явление эпохи было представлено во всех странах католической Европы. Его влияние затронуло едва ли не все аспекты их бытия: церковь и религиозную мысль, политику и экономику, общественное устройство и литературу. Данные реалии диктуют необходимость междисциплинарного подхода к феномену рыцарства, свойственного культурологическому знанию. Однако работ, рассматривающих рыцарство в подобном ключе, немного. Влияние христианского мировоззрения на идеологию и социокультурную практику воинского сословия, несмотря на религиозность эпохи и огромную роль церкви, в ракурсе соотношения идеала и реальности практически не исследовалось.

Также отметим возрастающий научный интерес к проблеме аутоидентификации в рамках оппозиции «свой - чужой», позволяющей рельефно представить ценностные приоритеты социальных общностей. В рыцарской среде эта дихотомия часто носила религиозный характер. Наиболее ярко она проявилась в идеологии и практике крестовых походов, статус которых имели мероприятия, направленные против мусульман,

язычников (Балтийский регион), еретиков (альбгойцев, гуситов) и православных (Византия, Русь), считавшихся схизматиками

В социально-практическом аспекте анализ идеалов средневекового воинского сословия и исторической реальности позволяет выявить элементы рыцарской культуры, которые, при некоторой трансформации, представляют ценность и в современных условиях. Так, в период утраты значительной части нравственных ориентиров большое значение в деле воспитания молодежи приобретают многие составляющие рыцарской этики (почтение к старшим, защита слабых, верность долгу, понятия о чести и достоинстве), базирующихся на христианских ценностях.

При возрастающем внимании к христианской культуре в нашей стране остро встает проблема осмысления в свете современного гуманитарного знания церковной практики и индивидуального религиозного опыта. В связи с этим некоторые элементы общественного сознания Средневековья, отличительная черта которого - религиозность, в условиях современного кризиса культуры обретает значимость в качестве базовых компонентов цивилизационного развития. Рыцарство же выступало коллективным субъектом аккумуляции духовного опыта.

Во многом актуален сегодня вопрос об отношении христианина к воинской службе. Проблема эта не нова. Она неоднократно и обстоятельно рассматривалась уже в I тысячелетии Отцами Церкви. Их суждения легли в основу христианского понимания воинского служения, ставшего идеологической базой рыцарства.

В нашем обществе усиливается интерес молодежи к рыцарской тематике, но знания о рыцарстве в данной социальной среде носят отрывочный, неупорядоченный, скорее мифологизированный характер. Практически отсутствует понимание роли христианства в формировании культуры воинского сословия.

Источниковая база диссертации представляет ряд взаимосвязанных категорий документов:

- *Повествовательные (историко-нарративные)*, среди которых отметим хроники Альберта Аахенского, Анонимного участника I крестового похода, Генриха Латвийского, Гильома Тирского, Петра из Дуйсбурга, Фульхерия Шартрского и др., а также дневниковые записи Ж де Виллардуэна, Ж де Жуанвиля, Р де Клари. В них не только отчетливо отражена историческая реальность, но и прослеживается субъективная трактовка представленных событий, отражающая ряд доминировавших в культуре средневековья сословных и конфессиональных стереотипов. В этом же контексте отметим ряд писем духовенства и рыцарства (крестоносца графа Стефана Блуасского к супруге, предводителю I крестового похода к папе Урбану II, краковского епископа Матвея к св. Бернарду). Особенности распространения западноевропейского рыцарского эталона в славянских странах (Польше и Чехии), входивших в католический универсум, показывает анализ хроник Галла Анонима и Козьмы Пражского. Также в настоящей работе использованы не часто привлекаемые в исследованиях о рыцарстве арабские и византийские источники – «Книга назидания» У ибн Мункыза,

«Путешествие» Ибн Джубайра, «Алексиада» А Комниной, - где представлены образы латинского рыцарства, созданные их религиозными и политическими оппонентами, непосредственно контактировавшие с франками

- *Литературно-художественные*, к которым относятся рыцарский эпос (Песни о Гильоме Оранжском, Песнь о Нибелунгах, Песнь о Роланде, Песнь о Сиде и др), рыцарский роман (романы К де Труа, Р де Борона, В фон Эшенбаха и др), поэзия труверов, трубадуров, миннезингеров (Б. де Борна, Б де Вентадорна и др), а также созданные современниками «Жизнеописания трубадуров», где достаточно отчетливо представлены элементы автостереотипа средневекового воинского сословия Здесь же отметим «Книгу о рыцарском ордене» Р Луллия, в которой автор впервые попытался создать обобщенный свод правил рыцарства с явным акцентом на религиозно-этический аспект Представления вилланов о рыцарстве отражены в единственном дошедшем до нас произведении Вернера Садовника «Крестьянин Гетьбрехт», а позиция горожан наиболее ярко видна в «Романе о Лисе»

- *Теологические*, посвященные проблематике войны и воинов в христианской культуре Среди них наиболее важны работы св Амвросия Медиоланского и блж Августина, авторов концепции «справедливой войны» ставшей идеологической базой рыцарства, и св Бернара Клервоского, видного идеолога крестового движения и идейного вдохновителя уникального в церковной истории института военно-монашеских орденов

- *Актовые указы*, грамоты на владения, земельные пожалования, договоры, папские буллы, уставы рыцарских орденов и ряд других юридических и административных документов

Степень научной разработанности темы. Феномен культуры западноевропейского рыцарства – один из важных объектов научного познания Но несмотря на то, что внимание исследователей эта тематика привлекает достаточно давно, работ, где бы рыцарство выступало в качестве объекта исследования, немного Большинство ученых культура данной общности рассматривалась в контексте историко-политических, социальных, экономических проблем эпохи Соотношение же идеала и реальности в среде средневековой воинской элиты затрагивалось лишь фрагментарно в отдельных работах

Внимание исследователей рыцарство и Средневековая культура в целом привлекают с XIX в – времени формирования медиевистики современного типа До этого мыслители Возрождения и Просвещения с их резко негативным отношением к Средним векам создали утрированный негативный стереотип «варварской эпохи» Применительно к рыцарству эта концепция ярко представлена ИГ Гердером Интерес к культуре средневековой воинской элиты возродился в эпоху романтизма Большую часть XIXв в медиевистике преобладал описательный характер работ, связанный с накоплением фактологических данных, часто сочетаемый с основанной на произведениях куртуазной литературы романтизацией эпохи и рыцарства (П Лакруа, Ж Ж Руа, Л Готье) Среди работ 1-й половины XX

века выделим классическое комплексное исследование феодальной рыцарской среды М Блока Также выделим анализ идеологии рыцарства Франции и Фландрии в контексте игровой концепции культуры Й Хейзенги И хотя автор анализирует преимущественно позднее Средневековье, затронутая им проблематика и консерватизм аристократической идеологии, обращённый к традициям прошлого, позволяют говорить о ценности этой книги для настоящей диссертации По этим же причинам представляет интерес и вышедшее позже схожее по хронологии, но отличное по подходу и задачам исследование А Б Фергюсона, посвящённое английскому рыцарству Ряд аспектов рыцарской идеологии на основании анализа значительного числа произведений куртуазной литературы (главным образом эпических) проанализированы Г Козном Е Колером поднята проблема сословного идеала средневековой светской элиты на материале исследования произведений *romans courtois*. Небольшая научно-популярная книга Ф Де Клешана Дю Пюи, где рассмотрены отдельные элементы культуры рыцарства и дана краткая характеристика ряда изданных до 1960г. трудов, не претендует на комплексный анализ столь сложного феномена Из работ 2-й пол XX - нач XXIв выделим исследование Ф Кардини истоков идеологии и практики рыцарства в контексте межкультурного диалога, рассмотренного в диахронном аспекте Отметим и комплексное глубокое осмысление рыцарства М Кином, основанное на анализе основных элементов сословной культуры, а также работу В Иванчака о чешском и польском рыцарстве, представленном в контексте развития идеалов и практики европейской воинской элиты И, безусловно, выделим труды Ж Флори - крупнейшего исследователя генезиса и эволюции феномена рыцарства

В отечественной науке исследований рыцарства также немного В дореволюционный период отметим работу Е Ефимовой, где средневековая воинская элита в романтизированном ключе представлена альтернативой миру варварства, а также базирующуюся на материале куртуазной поэзии без её критического анализа научно-популярные издания К А Иванова В советской медиевистике (Е А Косминский, С Г. Лозинский, С Д Сказкин, Н Ф Колесницкий, М А Заборов и др) господствовал односторонний материалистический, классовый подход, в рамках которого рыцарство рассматривалось главным образом в социально-экономическом и политическом аспектах, а его деятельность, в целом, имела негативную оценку Работы, где рыцарство выступало бы объектом исследования, практически отсутствуют Многие труды иностранных и отечественных авторов, не отвечавшие официальной идеологической концепции советского периода, начали издавать лишь с 90-х годов XXв Здесь выделим комплексное осмысление феномена европейского рыцарства С.И. Лучицкой, а также работы МБ Бессудновой, ЕВ Калмыковой, АИ Сидорова и др, опубликованные в сборнике «Одиссей» за 2004г, который целиком посвящен рыцарской тематике Также отметим ежегодник «Казус», где одной из тем является мировосприятие рыцарства на уровне социальной общности и индивида Автором ряда публикаций (начиная с 80-х гг) и рецензентом переводных книг о рыцарстве был известный медиевист Ю Л Бессмертный

Привлекли наше внимание статьи Д С Белоусова, М В Горелика, Г М Тушиной, Н А Хачатурян и ряда других ученых, посвященные различным аспектам жизни рыцарского сообщества. Из диссертационных исследований отметим культурологический анализ рыцарства с политико-правовой точки зрения А С Карповского и работу И И Басова о рыцарстве XII-XV вв в культурно-историческом контексте, а также исследования Е В Калмыковой и Е В Склизковой, где в контексте рассматриваемых авторами тем проанализирован ряд аспектов рыцарской идеологии и практики, главным образом на примере английской воинской элиты.

Гораздо больше трудов посвящено отдельным аспектам средневековой истории и культуры, где рыцарство, не являясь непосредственно объектом исследования, играло заметную роль. К их числу относятся Крестовые походы, в которых рыцари пытались реализовать свои представления о религиозном идеале. Деятельность крестоносцев рассмотрена Г Мишо, Ф И Успенским, А Люшером, Д Н Егоровым, Б Куглером, М А Заборовым, М Баларом, Ж Ришаром, О Кулидж, С Морисоном, А Дюпроном, К Казном, Р Перну, Дж Райли-Смитом, Ж Татом, Е Н Грицак, С В Ближнюк, А А Доманиным. Отдельно выделим исследования взаимоотношений франков и исламского мира Н.А. Амро, П Виймара, Ф Сенака, С И Лучицкой.

Ряд трудов посвящен духовно-рыцарским орденам, считавшихся современниками наиболее близким к христианскому эталону воинским институтом (Дж Легман, Г Ч Ли, М Мельвиль, А Оливье, М Лобе, Л Шарпантье, Х Бокман, Э Машке, Ч Дж Аддисон, М Барбер, Ж Бордоном, Р Ю Печникова, М Б Бессуднова, П П Рид, А Демурже, Ж Меркаль, И А Настенко, А Л Рогачевский, Ю В Яшнев, А А Конопленко, Т В Трокаль, И В Ишимикли). Отметим, что в последние 10-15 лет издано достаточно много как научно-популярной, так и псевдонаучной литературы, посвященной рыцарству, крестовым походам и военно-монашеским орденам, что свидетельствует как о значительном общественном интересе к данным темам, так и о некритическом подходе отдельных авторов и издательств к анализу данных вопросов.

С XX в. внимание ученых все более привлекают вопросы духовной культуры, мировоззрения, ментальности средневекового общества, разработка которых значительно помогает понять аксиологические приоритеты рыцарства и эпохи в целом. В первую очередь отметим французскую школу «Анналов» (М Блок, Л Февр, Ж Дюби, Ж Ле Гофф и др.). В отечественной науке схожая проблематика в центре внимания работ П М Бицилли, О А Добняш-Рождественской, Л П Карсавина, А Я Гуревича, Ю Л Бессмертного, А П Батурилина и ряда других ученых.

Значительную ценность представляют исследования культуры повседневности средневековой Западной Европы, невозможные вне осмысления роли в ней рыцарства (труды Ж Брюнель-Лобришона, Э Э Виолле-де-Дюка, К Дюамель-Амадо, А Люшера, М Дефурно, Л Мулена, М Пастуро, Э Поньона, М Роулинга, А Л Ястребицкой).

Изданы и биографии ряда выдающихся людей рассматриваемой нами эпохи, большинство из которых служило эталонами рыцарства, таких как

Ричард I Львиное Сердце, Филипп II Август, Фридрих I Барбаросса, Фридрих II Гогенштауфен, Людовик IX Святой, Эдуард, принц Уэльский (Чёрный принц), Иоанн II Добрый

Специфика профессиональной активности рыцарства требует анализа проблемы войны в средневековом обществе (исследования Г Дельброкка, Ж Фавье, Л Мирепуа) Ф Контамин при этом сочетает традиционное изучение вооружённых конфликтов и их участников с культурологическим рассмотрением войны как феномена культуры

Важным, наиболее традиционным и изученным направлением медиевистики является социально-политическая история, в рамках которой рассматриваются события с участием рыцарства (труды М М Стасюлевича, О Егера, Э Лависса, А Рамбо, Д М Петрушевского, Г Кеннигсбергера, Е А Косминского, Ш Пти-Дюгайи, А Д Удальцова, Э Перруа, К Фаулера, А А Сванидзе, Н И Басовской и др)

Словный автостереотип средневекового рыцарства наиболее ярко представлен в эпической и куртуазной литературе Однако в ее исследованиях М П Алексеева, В М Жирмунского, А А Смирнова, Е М Мелетинского, А Д Михайлова, Б И Пуришева, З Н Волковой и др доминирует литературоведческий подход Попытка рассмотреть данные произведения в качестве исторического источника справедливо отвергалась из-за идеализации образа воина Но если поставить целью реконструкцию не реального поведения рыцаря, а его идеалов, то данный материал трудно переоценить Помимо Л Готье, давшего импульс этому направлению исследований, Г Коэна и Е Колера, выделим труд польского ученого М Оссовской, заметив, что использование в нем, помимо произведений рыцарской литературы, романов польского писателя XIX в Г Сенкевича нарушает принцип историзма

Таким образом, специальных работ, посвященных культурологическому анализу рыцарства, немного Исследований же, прослеживающих влияние христианства на рыцарскую идеологию и соотношение идеальной социокультурной модели с её реальным воплощением, практически нет Имеющиеся материалы на эту тему носят фрагментарный характер, нет целостного, комплексного анализа

Исходя из этого, *научная новизна* работы определяется культурологическим системным подходом к анализу соотношения религиозных идеалов рыцарской культуры, представленных в западноевропейской церковной модели воина-христианина и автостереотипе высшего сословия, с одной стороны, и их воплощения в практике европейского рыцарства, крестоносцев и духовно-рыцарских орденов, с другой Проведенное исследование позволило пролить свет на истоки рыцарского мировоззрения, понять логику и противоречия поступков воинов, исходя из ментальности эпохи и религиозных идеалов рыцарства, а также в некоторых аспектах по-новому интерпретировать произведения рыцарской литературы

Проблема, которую автор в определённой степени пытается решить, заключается в комплексе противоречий между церковной моделью воина-

христианина, трансформировавшейся в диахронном плане, и эталонными принципами организации сословно-профессиональной среды воинской элиты, с одной стороны, и практикой феодально-корпоративного общества средневековой Западной Европы в мирных условиях и в военное время, определявшейся религиозным сознанием, но во многом противоречащей нормам христианской морали, с другой

Целью работы является культурологический анализ соотношения идеальной социокультурной модели и историко-культурной практики на примере средневекового западноевропейского рыцарства

Достижение данной цели предопределяет постановку и решение следующих *задач*

- исследовать эволюцию вероучения западно-христианской церкви относительно войны и воинов от первых веков христианства до эпохи крестовых походов,
- определить идеалы рыцарства путем культурологического анализа рыцарской литературы и исследовать их соответствие суждениям церкви о воине-христианине и сложившимся стереотипам рыцаря,
- проследить воплощение рыцарских норм в повседневности и связанную с этим трансформацию идеальной модели,
- проанализировать деятельность крестоносцев с учетом поставленных церковью задач и идеологии рыцарства,
- исследовать соотношение эталона и реальности в деятельности уникального в христианской истории института военно-монашеских орденов

Объектом исследования избраны категории идеала и реальности в рассматриваемой нами культуре европейского рыцарства

Исходя из этого, *предметом* исследования является рыцарская этика в идеале и реальности

Методология исследования обусловлена спецификой изучаемого объекта и задачами диссертации Теоретико-методологической основой работы являются принципы объективности, научности, историзма, комплексности изучаемого материала Многогранность феномена рыцарской культуры, разносторонность сфер деятельности и большое влияние интересующей нас социальной группы на многие сферы общественной жизни предусматривают *междисциплинарность* и *системность*, характерные для культурологического знания Изучение хронологически значительно удалённых событий невозможно без использования методов *исторической науки* Рассмотрение Средневековья как уникального явления, исследовать которое следует с учетом ментальности и исторических условий эпохи, предусматривает использование *цивилизационного* подхода То есть, за феноменом рыцарской культуры видится историческая динамика христианской цивилизации Несмотря на относительную статичность Средних веков в сравнении с динамикой Нового времени, наличие трансформаций в развитии рыцарской культуры позволяет использовать принципы эволюционного подхода Религиозность как важнейшая характеристика эпохи и особая роль церкви предопределяют использование теологических аспектов анализа Затронутые диссертантом некоторые

вопросы онтологического характера (пусть и рассмотренные в богословском ключе, что характерно для Средневековья), а также сфера этики (рыцарская мораль) предполагает обращение к сфере *философского* познания. Изучение особенностей функционирования рыцарства в социокультурном пространстве западноевропейского общества позволяет применить ряд методов социологических наук. Исследование рыцарской литературы, нарративных памятников предусматривает привлечение ряда методов *филологического* научного анализа. Диахронный аспект исследования истоков формирования рыцарства, воззрений западной церкви на проблему войны и воинов, формирование концепций справедливой, а затем – священной войны предполагает использование *историко-генетического* подхода. Изучение в синхронном аспекте представлений об идеалах рыцарства, деятельности военно-монашеских орденов с учётом региональной специфики предусматривает применение *историко-компаративного* подхода. Иллюстрация основных теоретических положений диссертации примерами из истории рыцарства потребовала использования *дискриптивного* метода. Необходимость оценок исторических событий потребовала применения *аксиологического* подхода.

Из проведенного исследования сформулированы следующие *положения, выносимые на защиту*

- Обоснованная св. Амвросием Медиоланским и св. Августином концепция справедливой войны соответствует христианскому вероучению и служит основой функционирования средневековой военной системы в целом,
- несмотря на высокие этические нормы, представленные в рыцарской литературе, где прослеживается осязаемое христианское влияние, сословный автостереотип не тождественен идеалу воина-христианина, что, однако, самим рыцарством не осознавалось,
- в исторической реальности христианские и рыцарские нормы значительно облагораживали нравы воинского сословия, сообщая его практической деятельности высокие цели и глубину смысловой мотивации,
- римско-католическая доктрина движения крестоносцев является отступлением от христианского вероучения относительно проблемы применения насилия и характера миссионерской деятельности,
- трансформация папством концепции справедливой войны в войну священную, не обуздание, а направление «во-вне» воинственности рыцарства в рамках концепции Божьего мира, отождествление рыцарской морали с христианской в сословном сознании элиты, доминирование «внешнего делания» над духовным совершенствованием, мессианские тенденции обусловили недостижимость идеала крестоносцами,
- военно-монашеские ордены наиболее полно отражали представления современников об идеале воина-христианина, но их практическая деятельность в значительной мере отразила как достоинства, так и реальные издержки рыцарской этической модели

Гипотеза исследования заключается в следующем. Христианство является культурообразующим фактором для средневекового воинского сословия, определившим как его идеологию, так и практическую сферу

деятельности. И хотя последняя значительно отклонялась от религиозного идеала, однако, в глазах средневекового общества она являла собой социальный стереотип рыцарского сословия. Доказательству этого положения и посвящается данная работа.

Практическое значение. Результаты исследования могут найти применение при изучении и использовании в образовательной практике средневековой западноевропейской культуры в целом, а также рыцарской культуры в частности, при осмыслении ряда актуальных проблем, касающихся взаимоотношений церкви и армии. Итоги работы могут использоваться в преподавании ряда дисциплин культурологического цикла, для работы в молодежных досуговых центрах, военно-исторических объединениях, при чтении лекций для широкого круга слушателей.

Научная апробация работы. Диссертация была обсуждена на кафедре теории и истории культуры Государственной академии славянской культуры. На основании проведенного исследования подготовлен и введен в учебный процесс Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова ряд лекций в рамках дисциплины «История культур и цивилизаций».

Ряд вопросов, исследованных в диссертации, был представлен на

- 2-й Межрегиональной научной конференции «На рубежах эпох: стиль жизни и парадигмы культуры» – Москва, МГОПУ, 11-13 февраля 2005г
- Научно-практической конференции аспирантов «Актуальные вопросы культурологии» - Москва, ГАСК, 30 марта 2005г
- 3-й межрегиональной научной конференции «На рубежах эпох: стиль жизни и парадигмы культуры» – Москва, МГОПУ, 10-11 февраля 2006г
- Научной конференции «Культура на рубеже эпох» – Москва, МГГУ, 10 февраля 2007г
- Научной конференции «Культура на рубежах эпох» - Москва, МГТУ, 2 февраля 2008г

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, включающих пять разделов, заключения и списка использованной литературы, состоящего из 273 наименований.

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, проанализирована степень ее научной разработанности, аргументирована научная новизна, сформулированы цель и задачи, объект и предмет исследования, раскрыты методологические основы и научная значимость работы.

Глава 1 **Идеальные модели поведения воина-христианина и рыцаря** состоит из двух разделов.

В разделе 1.1 **Совместимость несовместимого: война и христианские заповеди** рассмотрен генезис и дальнейшая эволюция воззрений Западной церкви на проблему войны в христианской культуре, связанные с формированием клерикального этического стереотипа *milites*.

Церковь - один из важнейших институтов Средневековья, а религиозность – наиболее значимая характеристика культуры данной эпохи. Еще в первые века христианства ею была признана легитимность государства и его власти, но отношение к армии как к государственному институту долгое время оставалось предметом дискуссий.

Евангельский идеал - мир святости, основанный на любви к Богу и ближнему, в котором нет места вражде. Но в условиях греховности мира государство и его институты не отвергаются принципиально. Особо отметим наставления Иоанна Крестителя воинам о справедливом исполнении долга (Лк, 3.14).

Оппозиция веры и военной службы характерна лишь для раннего периода христианской культуры (I - нач IV в.). Эта концепция базировалась на принципиальном неприятии кровопролития, участия армии в гонениях на христиан и языческих ритуалах. В IV в. придание христианству статуса государственной религии актуализировало проблему защиты страны и поддержания внутреннего порядка. Применение насилия признаётся неизбежным, что привело к созданию новой церковной доктрины. Впервые понятие «справедливой войны» встречается в трудах св. Амвросия Медиоланского, где войны из корыстных интересов противопоставлены кампаниям по защите законных прав, на которые христиане имеют право, и представлены некоторые критерии последних. Основные положения этой концепции затем конкретизировал св. Августин в труде «О граде Божием» и ряде посланий. Война может быть признана справедливой, если

- все мирные средства исчерпаны,
- ее цель - пресечение беззакония,
- она инициирована и ведется законными властями;
- ее методы милосердны,
- в ней не участвует духовенство.

Эти суждения легли в основу западной церковной доктрины о войне и воинах. Отметим, что, осознавая неизбежность применения насилия, св. Августин подчеркивал его допустимость лишь в исключительных случаях.

Дискуссии богословов о возможности участия верующих в войне продолжались практически до эпохи крестовых походов. Все это время сохранялось представление о сакральности крови и греховности любого убийства. Пениitenciарии этого периода налагали епитимью за кровопролитие, но анализ сроков покаяния показывает четкую оппозицию законной войны и самовольного убийства, а также тенденцию сокращения срока епитимьи в первом случае. К 1000г. папство неоднократно обещало вечное спасение защитникам отечества и церкви. В целом анализ тенденций в западноевропейской патристике показал смещение акцента от евангельской любви к ближнему первых веков христианства к ветхозаветной воинственности в начале II тысячелетия.

Эволюция отношения христиан к войне привела к новой оценке воинов. Церковь, долгое время наставлявшая лишь монархов, с ослаблением централизованной власти обращается к магнатам, а затем – ко всем носившим оружие. Воины, независимо от ранга, осознаются как сословие, деятельность

которого освящается церковью, что в культуре Средневековья нашло отражение в дифференциации мирян («работающие» – «воюющие») в рамках трёхсословного социального устройства

Доктрина Божьего мира, возникшая на рубеже тысячелетий, явилась трансформацией концепции «справедливой войны» Ее цель – обуздание насилия в Западной Европе – способствовала формированию норм рыцарской культуры Но невозможность прекращения войн привела к направлению агрессии «во-вне», закреплению оппозиции «свой-чужой» по религиозному принципу, радикально развитой в эпоху крестовых походов

Анализ процесса христианизации Запада, несмотря на религиозность общества, показал проблему «варваризации» веры Суть христианства часто не осознавалась неопитами, искажалась или сводилась к обрядовой стороне Статус воина-германца был несовместим с образом миротворца, что требовало компромисса Постоянная военная угроза способствовала сохранению ряда древних традиций и формированию ветхозаветного образа победоносного Бога Всё это значительно повлияло на менталитет рыцарства и идеологию крестовых походов

Раздел *1.2. Автостереотип рыцаря как трансформация церковного представления о войне* посвящён воссозданию образа идеального рыцаря на основании анализа рыцарской литературы (chansons de geste, romans courtois, поэзии труверов, трубадуров, миннезингеров) и его исследованию с точки зрения средневековой западноевропейской церковной концепции о воине-христианине Мир эпоса и романа антиисторичен Но и идеал как наивысшая степень, не имеющая недостатков, недостижим в реальности Он выступает объектом притязания, ценностного ориентира Сравнение исторической реальности с её художественным преломлением, а также идеализированного образа «своих» в оппозиции к наделенным негативными характеристиками «чужим» позволяет выделить аксиологические приоритеты рыцарской культуры и представить свойственную ей сословную самоидентификацию.

Рыцарский автостереотип определяется следующими критериями Знатное происхождение Это требование обусловлено освященными церковью принципами традиционализма и иерархизма, а также спецификой деятельности, требовавшей длительной подготовки Исключения (напр Парцифаль у К де Труа) достаточно редки Рыцарство к XII веку - замкнутое сословие, не приветствовавшее расширение своих рядов Отметим, что искажённая трактовка принятого в средневековой культуре трехчленного деления социума породила пренебрежение к простолюдинам, наиболее радикально отражённое в поэзии Б де Борна

Этический стереотип, несмотря на сословную общность, имел личностную форму. В условиях, когда социальная стратификация тесно связывалась с профессиональной деятельностью, статус благородного человека во многом зависел от качества выполнения своей функциональной роли. Отсюда внимание к физическим кондициям воина Обретение силы чудесным образом – след языческих сказаний, но в куртуазной литературе подразумевалось, что это дар Божий для благих дел Реализация же физического потенциала требовала отваги, воспринимавшейся как

имманентное качество представителя элиты Малодушие – тяжкое обвинение Эта антитеза храбрости столь чужда самосознанию рыцарства, что воинов страшила сама мысль быть заподозренными в слабости и трусости Отсюда предпочтение гибели, подобно Роланду, просьбе о помощи Смерть в бою за правое дело (хотя его понимание порой субъективно) была почётна с древности Церковь же обещала в этом случае венец мученика Возникающее в связи с этим противоречие между отвагой и благоразумием окончательно не решено в рыцарской культуре Мудрость – достоинство Но отвага всегда восхищала, и самые безрассудные ее проявления не осуждались

При доминировании игрового начала в рыцарском сословном стереотипе, ярко представленного в *romans courtois*, даже эталонная репутация воителя не воспринималась как перманентная категория Отсюда требование неустанного подтверждения своего статуса в войнах, турнирах, «приключениях», стремление к первенству Главная цель подобных предприятий – личная слава

Функциональная эффективность в эталонной модели не выступала в качестве доминанты, так как была сопряжена с этической компонентой Рыцарская этика усвоила многие предписанные церковью нормы, что способствовало значительной гуманизации военного дела Практически ничем не ограниченное кровопролитие трансформировалось в регламентированный поединок равных сторон Одолеть слабого – позор, равного – долг, более сильного – честь Рыцарская культура требовала подвига, свершения невозможного, абсолюта Корпоративная солидарность диктовала уважение к противнику в бою и достойное отношение к побежденному. Вне рамок сословного этического императива рыцарь не только ни приобретал славы, но мог потерять честь

Защитная функция, особенно в свете средневековой латинской церковной концепции трехчленного деления общества, выступала одним из важнейших аспектов рыцарской самоидентификации Исполнение этого долга имело, в зависимости от характера угрозы и исторической ситуации, региональную и хронологическую специфику Отраженные эпосом Франции и Испании конфликты с маврами носят четко выраженный религиозный характер, ибо этническая конфронтация совпадала с конфессиональной Близко к этой трактовке противостояние польского рыцарства язычникам-пруссам и православным Руси, воспринимавшихся как схизматики В немецком эпосе и французском романе сохраняется образ воина-защитника, но его подвиги при феодальной раздробленности и отсутствии глобальной угрозы ограничены личными, семейно-бытовыми, феодальными интересами

Влияние церкви, в частности, концепции Божьего мира, на культуру рыцарства отчетливо представлено в подчеркнутом позиционировании воина ревностным христианином, защитником церкви, вдов и сирот, борцом с иноверцами Деяния героев (особенно в эпосе) часто сакрализируются, а их положительный исход представляется милостью Божией Отметим и популярный сюжет поиска святыни, породивший цикл романов о святом Граале Напротив, важным элементом негативного образа врага является его религиозная оппозиция

Категория верности (Богу, сеньору, Даме, своему слову) – важный элемент рыцарского этоса. Иерархизм средневекового социума, огромная роль в нём межличностных установлений, слова и жеста, придают особую значимость вассальной преданности, наиболее рельефно и позитивно представленной в цикле о Гильоме Оранжевом. Но вассалитет как договор членов единого сословия не мог ущемлять интересов и чести створон. Поэтому, несмотря на императив верности, конфликты вассалов и сеньоров даже породили «цикл мятежных баронов». Не решена окончательно данная проблема и в рыцарском романе.

Рыцарский этос групповой. Отсюда связь личной и корпоративной репутации. В вопросах чести, в опасности воинов связывали узы солидарности. Сословное братство, унаследованное от эпохи военной демократии, символизировал Круглый стол короля Артура.

Но корпоративная солидарность не ущемляла право на месть за любую – реальную или мнимую – обиду. Этот унаследованный от германцев обычай был воспринят рыцарской культурой, хотя явно противоречил христианским заповедям. Деятельность церкви на этом поприще не имела значительных результатов.

Критерий судебной деятельности феодалов – справедливость, защита обездоленных. Но эта декларация часто противоречила отношению к простолюдникам. Споры же равных обычно решал поединок, «Божий суд».

В XII-XIII вв. нормы куртуазии обогатили героический идеал эпоса новыми критериями. Возникает интерес к личности, к проблемам чувства, необычайно повышается статус женщины, трепетное отношение рыцаря к которой сродни религиозному почитанию. При этом чувства вне брака не противоречили христианской морали, ибо эталоном служила любовь бескорыстная и платоническая. Куртуазная модель позитивно трансформировала суровые воинские нравы, придав им утонченность и блеск. Требованиями изысканных манер, обуздания страстей, интереса к творчеству, что позиционировало рыцарство не только как социально-политическую, но и культурную (в этическом и эстетическом плане) элиту.

При ориентации корпорации на знать, соответствие рыцарскому статусу требовало значительных средств. Но истинное достоинство, подчёркивавшее сословную дифференциацию, заключалось не в богатстве, а в отношении к нему. Щедрость – достоинство благородного человека, бережливость – качество купца-простолюдника. Однако, в отличие от христианской милостыни, рыцарский дар непременно публичен.

В целом рыцарская этика, многие элементы которой восхищают и спустя века, заметно облагородила нравы воинов. В ряде аспектов четко прослеживается благотворное влияние церкви (защита слабых, уважение противника и регламентация боевых действий, самоидентификация рыцарства как воинства Христова). Некоторые, нейтральные с религиозной точки зрения, элементы сословного стереотипа связаны с профессиональной деятельностью воинов (физические данные, отвага и др.). Отдельные его положения отражали общественную структуру, освященную церковью (сословная иерархия, институт вассалитета). К недостаткам этической модели

отнесем сословную оппозицию рыцарства «иным», «низшим», в его оценке, христианам, мстительность, тягу к земной славе При этом конфессиональный антагонизм, даже в радикальной форме, полностью соответствовал средневековой католической концепции священной войны Отметим, что выделение одного из элементов в качестве доминанты сословного стереотипа оставляло простор для субъективной трактовки эталонной модели

Глава 2. Историческая реальность: попытки восхождения к идеалу состоит из трех разделов, посвящённых основным аспектам культуры повседневности рыцарства, крестовым походам и деятельности военно-монашеских орденов, исходя из аспекта соотношения идеала и реальности Данная структура обусловлена теоретической степенью возможности восхождения к христианскому идеалу В основе обыденной жизни воина – сословная этика, не во всем тождественная христианской морали Цель крестоносца – освобождение и защита Святой земли, борьба за веру – благословлялась церковью и поддерживалась обществом Рыцарь-монах стремился совместить служение крестоносца и инока, что давало возможность взойти на высшую ступень в выстроенной нами иерархии

Раздел 2.1. Рыцарское общество: идеалы и реалии посвящён анализу основных аспектов повседневной социокультурной практики воинского сословия с точки зрения их соответствия эталонной модели

В период зрелого Средневековья церемония посвящения в рыцари выступает важным компонентом сословной культуры элиты В её основе – древний трансформированный ритуал инициации, но к рубежу XII-XIII вв это светское мероприятие, вводившее юношу в рыцарский универсум, имело осязаемый христианский подтекст, было пронизано религиозной мистикой и символикой, сакрализировавшей полномочия элиты

Рыцарская субординация, отождествляясь с небесной иерархией, имела церковное благословение и догматическое обоснование Важный в корпоративной культуре институт вассалитета поддерживал социальную стабильность, регламентировался обычаями и феодальным правом, и одобрялся духовенством В его основе – провозглашённая воинами идея преданности и уважения сторон Но многочисленные конфликты вассалов и сеньоров часто были вызваны личными амбициями Самим рыцарством они обосновывались понятием защиты чести, трактуемой субъективно

Корпоративная культура в периоды мира была тесно связана с профессиональной сферой, а развлечения сочетались с практической пользой Странствия, турниры, «приключения» давали возможность испытать себя и послужить ближним, но их основная цель – личная слава В зарубежных кампаниях, методы ведения которых были далеки от провозглашённых св Августином, к ней добавлялась материальная заинтересованность Церковь безуспешно критиковала эти рыцарские занятия, ибо они в целом соответствовали критериям сословной морали

Военная сфера, связанная с сословной самоидентификацией рыцарства, – одна из важнейших в условиях политической нестабильности Средневековья и права шателенов инициировать боевые действия Анализ

средневековых войн позволяет разделить их на ряд категорий. В частных войнах чётко прослеживаются игровое начало, гуманное отношение к противнику, сословная солидарность, но их цели - слава, нажива, месть или развлечение - далеко не христианские. Допуск таких войн в рамках концепции Божьего мира должен рассматриваться не как санкционирование подобной практики (таково рыцарское восприятие), а в контексте особенностей эпохи и мер церкви по ограничению насилия в Западной Европе, что, по сути, позволяет их считать противоречащими христианским нормам. В отличие от феодальных войн, сражения носили принципиальный характер, воспринимались как «суд Божий», а потому были редки. Именно такой подход к войне как исключительной мере по пресечению беззакония соответствует доктрине справедливой войны. Религиозные же войны часто инициировались самой западной церковью (рассматриваются в разделе 2.2). С рубежа XII-XIII вв. на войне, считавшейся ареной деятельности элиты, усиливается роль простолюдинов. Эта тенденция и применяемое ими оружие осуждались духовенством и рыцарством. Но при этом магнаты часто нанимали стрелков из-за эффективности их действий. Рыцарское благородство на «получавших деньги за кровь» не распространялось.

Помимо основных сфер деятельности рыцарства важным аспектом исследования являются межсословные отношения. Дифференциация небесной и земной сфер деятельности церкви была очевидна для современников. Воин почитал ее как божественное установление, тем более, что религиозность - культурообразующий фактор эпохи. Рыцарство традиционно считалось защитником церкви. Но огромные феодальные владения вводили этот институт в сферу мирской деятельности. Тяга Западной церкви к универсализму, почитические амбиции папства, имущественные споры вели к конфронтации светских и духовных властей.

Отношение рыцарей к простолюдинам, особенно крестьянам, пренебрежительное, что, впрочем, соответствует сословному стереотипу. Куртуазная этика распространялась лишь на равных, а для «низших», чьи добродетели - труд и послушание, воин был господином. Взамен повинностей они имели защиту сеньора. Но делалось это скорее для поддержания статуса, охраны собственности, чем из христианской любви.

В целом анализ социокультурной практики воинского сословия показал значительное влияние на нее как норм христианской морали, так и рыцарского этического стереотипа. Однако несовпадение воинской и христианской моделей не осознавалось воинским сословием, и неудача в стремлении к религиозному идеалу во многом обусловлена искажением исходных понятий. Сравнительный анализ негативных в религиозном плане аспектов деятельности рыцарства (характер и цель военных действий, отношение к единоверцам-простолюдинам и др.) и сословного автостереотипа в большинстве случаев показал их соответствие этическим нормам воинской корпорации. При этом рыцарство позиционировало себя «воинством Христовым», что ярко проявилось в эпоху крестовых походов.

Раздел 2.2. *Крестоносцы: войны Божьи?* посвящён исследованию крестовых походов исходя из категории религиозного идеала.

Позиционирование церковью воина защитником веры, отождествление сословных норм в рыцарской культуре с христианскими вступало в оппозицию с рядом негативных аспектов профессионально-корпоративной практики высшего сословия и средневековыми представлениями о несовершенстве человеческой природы. На этом фоне призыв в конце XI в папы Урбана II к освобождению Святой земли и прецедент дарования индульгенций воины восприняли как уникальный шанс спасения души.

Среди факторов, повлиявших на возникновение и эволюцию движения крестоносцев, наиболее важными представляются социальный, экономический, политический и религиозный, прослеживающиеся в речи Урбана II в Клермонте и свидетельствах современников, из которых, на наш взгляд, религиозный выступал в качестве доминанты. Не отрицая прагматических интересов инициаторов и участников походов, отметим, что любой феномен средневековой культуры в той или иной степени имел религиозный подтекст. Так, в условиях социальной напряженности, порожденной слабостью центральной власти, анархией феодалов и множеством безземельных рыцарей, живших войной и разбоем, вывод части из них за пределы католической Европы, направление их агрессии «во-вне» при введении этих формирований в юрисдикцию Рима отвечало требованиям церковной концепции Божьего мира. Экономическая компонента, связанная с дихотомией «бедный Запад – богатый Восток», связана с получением трофеев, дарованных, как считалось, Божьей милостью. При наличии проблемы инвеституры (а по сути – спора о первенстве светской или духовной власти), инициация походов церковью поднимала ее авторитет и освящала деятельность призванных ею людей. Обращение греков к Западу позволяло надеяться на преодоление схизмы и создание, в соответствии со средневековым принципом универсализма, единого христианского мира во главе с Римом. Исламскую же угрозу невозможно рассматривать вне религиозного антагонизма сторон.

Более того, некоторые факты истории крестовых походов необъяснимы вне религиозного контекста. Так, многие предводители походов не испытывали материальных затруднений в Европе, тогда как финансирование походов вело их к значительным финансовым издержкам. Несмотря на большие траты, подготовка к походу начиналась с дел благотворительности. Отметим и большой риск для жизни крестоносцев. Но, несмотря на «убыточность» походов и большое число жертв, они оставались важным элементом корпоративной культуры.

В свидетельствах современников (как клириков, так и мирян), упор сделан на религиозный фактор. Воинов привлекали благая цель, освященная церковью, индульгенция, перспектива спасения в жизни вечной. Мир земной и мир небесный взаимосвязаны в средневековой культуре. Провиденциализм отчетливо виден в хрониках. Трепетное отношение к таинствам, проведение богослужений даже в экстремальных условиях, строгие посты перед сражениями, явно противоречащие прагматике военного дела, обычны для крестоносцев, ибо духовные силы ценились не менее физических, а война за веру не мыслилась без помощи Божией. Отсюда важное для рыцарства

представление о том, что лобода прославит Господа и его людей, а смерть даст воинам венец мучеников. Отметим и связь походов с паломничествами. Крестоносцев часто называли пилигримами, а Святая земля имела для христиан особый статус.

Однако, на наш взгляд, притягательными для рыцарства крестовые походы сделала провозглашенная Римом *концепция священной войны*, не имевшая аналогов в христианской культуре, *синтезировавшая военное дело и религиозное служение*. Воины призывались к акту покаяния без принижения своего статуса и отказа от профессиональной деятельности. Положительным элементом здесь стало изменение направления деятельности рыцарства. Вместо междоусобиц принявшие крест рыцари служили делу веры, имея благословение церкви и поддержку общества. Существует много фактов мужества крестоносцев, восхищавшего даже врагов, готовности к самопожертвованию ради дела веры. Но при этом энтузиазме пилигримов латинское духовенство развивало не идею обуздания неоправданного насилия в воинской среде, а радикализировала и конкретизировала другой аспект этой концепции – направление профессиональной активности «во-вне» в рамках дихотомии «христианин-иноверец». Религиозность пилигримов была скорее ветхозаветная. В документах отчетливо прослеживаются мессианские тенденции. Показательно сочетание сакральности мероприятий с варварскими методами их реализации (особо отметим побоище в Иерусалиме), что, впрочем, не осознавалось как недостаток ни участниками событий, ни высшим духовенством. Напротив, жестокость рыцарства в контексте господствовавшего в культуре Западной Европы негативного стереотипа иноверца и эсхатологических настроений расценивалась как кара Божья.

Закрепившись почти на 200 лет на Ближнем Востоке, крестоносцы создали, согласно нормам феодальной культуры, закреплённым в «Ассизах», Иерусалимское королевство. На первом этапе своего существования оно было достаточно прочным политическим институтом, для которого не были характерны мятежи и сословное противостояние. В XIII в. территориальные потери, недостаток снабжения и борьба за власть заметно ослабили государство. Но его граждане как защитники Святых мест всегда пользовались уважением в Западной Европе.

Несмотря на религиозную оппозицию, сложившуюся в рамках средневековой дуалистической картины мира и негативного образа мусульман, политические разногласия, жители королевства наладили контакты с исламским миром. И христиане, и мусульмане отмечали позитивные аспекты диалога культур. Но, несмотря на хронологически значительный период пребывания франков на Востоке и ряд культурных заимствований, нельзя констатировать преодоление идеологических барьеров и напряженности в отношениях, обусловленных религиозным антагонизмом, выступающим средством самоидентификации сторон.

Отдельно нами выделен IV крестовый поход, участники которого впервые обратили оружие против единоверцев. Штурм католического Задара не имеет оправдания, ибо его целью, при малодушии баронов, стала месть.

венцианцев, а пилигримов не остановила перспектива отлучения от церкви. Изменение же маршрута в сторону Константинополя отвечало принципам рыцарской культуры. Войско с ведома незаконно свергнутого императора Исаака II призвал его сын, обещавший крестоносцам финансовую и военную помощь в походе против неверных, а также вхождение греков в лоно Римской церкви. Но поведение латинян в Константинополе, особенно в храмах, было воистину варварским. Запад же вскоре оценил произошедшее как Промысел Божий. Святая земля не получила помощи, хотя для её оказания уже не было препятствий.

Миссионерская деятельность крестоносцев была характерна лишь для Прибалтики. Но обрела она эффективность лишь при военной поддержке. Распространение христианства тесно связывалось с германизацией региона, а принятие веры – с лояльностью новой власти.

Схизма 1054г ставила Русь в западном сознании в разряд еретиков. Религиозные обоснования в сочетании с прецедентом IV крестового похода и планами раздела Северо-Западной Руси привели к событиям 1240-1242гг, имевшим статус крестовых походов. Лишь успешные действия войск Александра Невского остановили западную экспансию.

В целом церковная модель священной войны была реализована воинами. Но изначальные ее недостатки, выразившиеся в доминировании военной практики над духовной, далекие от христианского милосердия методы ведения кампаний обусловили недостижимость идеала. Показательно, что в 2004г папа Иоанн-Павел II от лица Католической церкви принес извинения за поход в Константинополь, а чуть ранее – за походы в исламские страны.

2.3. Духовно-рыцарские ордены: попытка синтеза воинского и монашеского служения. Военно-монашеские конгрегации - уникальное явление в христианской культуре, отразившее представление современников (особенно рыцарства) о святости. Определение войны с иноверцами в рамках доктрины крестовых походов в качестве акта религиозного служения и монашества как сферы жизни, наиболее близкой к христианскому эталону, привели к идее синтеза воинской и иноческой деятельности. Впервые обет противостоять врагам веры и следовать монашеским правилам дали 9 рыцарей в Палестине в 1118г.

Догматическое обоснование этого института связано с именем св. Бернара Клервоского. Его позиция изложена в «Похвале новому рыцарству», служащему Богу, которое противопоставлено оцениваемой негативно культуре мирских воинов. Учитывая, что церковь разделяла мирян и иноков, запрещая последним кровопролитие, аббат спорно с догматической точки зрения сакрализировал деятельность рыцарей-монахов, представив ее борьбой с представителями сил зла в физическом мире. В контексте средневековой радикальной оппозиции «христианин - иноверец» дело братств представлялось новым этапом крестовых походов. Легитимность существования орденов подтвердила церковь, а прецедентом стал собор 1128г в Труа, давший устав тамплиерам.

Идея совмещения долга крестоносца с аскетизмом быта и строгой дисциплиной монахов точно отразила дух западноевропейской средневековой культуры. Отсюда широкая социальная поддержка, большой приток новобранцев и огромные пожертвования, за несколько лет сделавшие первые конгрегации ведущими региональными силами.

Проблема соотношения религиозных идеалов и реальности предполагает анализ ведущих сфер деятельности рыцарских объединений. Религиозная компонента, учитывая статус орденов и ментальность эпохи, играла важную роль в жизни братств, что отражено в уставах, близких к традиционным монастырским, и свидетельствах современников, по оценкам которых воины-иноки значительно превосходили в духовном аспекте мирское рыцарство. Большое внимание уделялось организации монастырских служб, сочетавшихся с келейными молитвами и трудом (в том числе ратным), ибо праздность чужда монаху. Отстранение клира от дел управления, ограничение его роли совершением обрядов и таинств представляется существенным недостатком духовного роста братии, и, одновременно, раскрывает специфику деятельности орденов в религиозном плане. Воины-монахи не были мистиками, и теологические проблемы их занимали мало. Осознание правоты своей миссии, благословленной церковью, следование уставу и обету послушания руководству, вера во власть клира отпускать грехи и перспектива смерти в бою с неверными упрощали духовные вопросы братьев. Первое место занимали подвиги не духовные, а ратные, от которых зависели авторитет и (в их понимании) спасение души. Отсюда связь набожности с воинской доблестью, равная скорбь о грехе и поражении в бою. Действия духовно-рыцарских объединений Святой земли, Прибалтики, Иберийского полуострова свидетельствуют о доминировании военных задач. Но многочисленные достижения военно-монашеских конгрегаций в профессиональной сфере, их отвагу и боеспособность, признаваемые даже врагами, нужно рассматривать и сквозь призму религиозного долга.

Миссионерская деятельность была характерна лишь для орденов Прибалтики. Она имела насильственный характер и была тесно связана с германизацией региона и возникновением Тевтонского ордена как квази-государственного образования. Миссия братств признавалась западным обществом богоугодной, а далёкие от христианского милосердия методы её ведения в контексте норм рыцарской культуры не вызывали нареканий.

Социальный аспект деятельности орденов был наиболее присущ госпитальерам, чья забота о паломниках быстро получила широкое признание. При этом духовное здоровье паломников заботило братьев не менее физического, ибо болезнь в средневековом сознании считалась следствием греха. В целом милость и забота о единоверцах характерна для всех орденов. Тевтонское братство возникло как приютская конгрегация, и лишь к концу века приняло на себя военную миссию. Тамплиеры охраняли дороги, предоставляя паломникам продовольствие и вьючных животных. Отметим и особую роль ордена св. Фомы, заботившегося о прокажённых.

Анализ коммерческой деятельности, особенно тамплиеров и госпитальеров, показывает её направленность на обеспечение воюющих

отделений орденов и строгий запрет личного обогащения. Право орденов на владение имуществом санкционировалось папством, что привело к созданию крупных сетей командорств ведущих орденов в Европе. Банковская сфера, связанная с запретом в средневековой христианской культуре на взимание процентов, не была тайной для королей и Рима, но даже на процессе тамплиеров обвинение в ростовщичестве отсутствовало.

Статус орденов как членов церкви при изъятии их из юрисдикции епископата вызывал недовольство клира. Слабый контроль Рима и отсутствие реальных механизмов влияния способствовали вольному обращению братств с каноническими правилами и конфронтации с региональным духовенством. При этом большинство конфликтов воинов-монахов с епископалом находилось в мирской сфере, не затрагивая религиозно-догматических аспектов. Взаимоотношения ведущих конгрегаций тоже не были идеальными. В политической и экономической сферах отмечалось не иноческое смирение, а рыцарская тяга к первенству. Корпоративная солидарность проявлялась лишь перед лицом внешней угрозы. Отношения орденов со светскими властями, базировавшиеся на нормах феодального права, имели региональную специфику и не всегда отличались стабильностью. Наиболее гармоничными они были на Иберийском полуострове, где шла Реконкиста. Напротив, в Прибалтике конфликт Польши и Тевтонского ордена длился почти сто лет. Заметим, что этот орден – единственный, воевавший с единоверцами-христианами. В целом светские и духовные сеньоры имели в лице ведущих рыцарских объединений сильных и амбициозных соперников. Но при этом католический мир высоко ценил их вклад в защиту Святой земли, Реконкисту и положительно оценивал миссию орденов в Прибалтике.

Анализ процесса тамплиеров в контексте конфронтации папства и Филиппа IV на рубеже XIII-XIV вв., учитывая финансовые трудности Франции, методы ведения следствия, отлучение от церкви главного обвинителя и констатируя неоднозначность итогов дела (в ряде регионов храмовников оправдали, Веннский собор не вынес вердикт), показывает его связь не с религиозным, а экономическим и политическим факторами. Несмотря на значимость ордена и громкий общественный резонанс, судебный процесс не повлиял на сам институт духовно-рыцарских орденов в плане изменений уставов, традиций, усиления внешнего контроля и ограничения автономии, что позволяет судить о нем как о частном случае.

Таким образом, эталонная модель культуры, представленная в уставах орденов, и зафиксированная современниками ее реализация показывают превосходство данных объединений над светским рыцарством Европы и крестоносцами в религиозной, профессиональной и социальной сферах. Однако сама идея синтеза монашеской и рыцарской практики, при доминировании последней, позволяет судить о членах конгрегаций скорее как о воинах, руководствовавшихся иноческим уставом, чем как о монахах с оружием в руках.

В **Заключении** подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы, сводящиеся к следующему. В работе проведен культурологический анализ соотношения идеальной модели и историко-

культурной практики на примере европейского рыцарства с точки зрения христианской идеологии. Исследование учения западно-христианской церкви о войне и войнах в I тысячелетии показывает наличие нескольких этапов в эволюции суждений по данной проблеме. Несмотря на значимость христианского пацифизма I – начала IV в., в историко-культурном контексте наиболее важной представляется концепция справедливой войны, санкционировавшая применение насилия верующими при защите государства, исходя из заповеди о любви к ближним. Важным аспектом здесь явилась попытка регламентации церковью воинской практики при осознании войны как исключительной меры и стремлении минимизировать ущерб от неё. Позиционирование воина защитником церкви и единоверцев затем легло в основу рыцарской идеологии. Именно эта модель наиболее близка к эталону воина-христианина. Трансформацией данной концепции стала доктрина Божьего мира, сформировавшая в условиях феодальной анархии принципы рыцарской культуры на базе христианских ценностей. Но разрешение в её рамках частных войн и констатация любых боевых действий против иноверцев как богоугодного дела является существенным отступлением от учения о войнах, сформулированного в латинской патристике.

Анализ рыцарской литературы с точки зрения христианской эталонной модели показал значительное влияние церкви на автостереотип воинского сословия. Но ряд его положений, унаследованных от традиций германцев, противоположен христианским нормам (кровная месть, жажда славы и др.), что, впрочем, не осознавалось рыцарством как недостаток.

Исследование исторической реальности показало значительное позитивное влияние сословного стереотипа и церковных воззрений на социокультурную практику рыцарства. Однако многие негативные в религиозном аспекте её элементы близки к нормам корпоративной культуры. Эгоцентризм рыцарства ещё более отдалял его от церковной модели.

Движение крестоносцев было призвано стать важным этапом восхождения к христианским идеалам, ибо его целью провозглашалось отречение от греховной жизни в пользу религиозного долга. Но доктрина священной войны, радикализировавшая в аспекте борьбы с иноверцами концепцию Божьего мира, а также примат профессиональной, а не духовной практики при сочетании её с несовершенным с христианской точки зрения сословным кодексом чести обусловили наличие существенных недостатков с точки зрения христианской этики.

Духовно-рыцарские ордены как синтез воинского и монашеского долга наиболее полно отразили представления современников о христианском идеале. Данные конгрегации заметно превосходили в духовном аспекте рыцарство Европы и крестоносцев, но уступали традиционному монашеству. Анализ профессиональной деятельности, расценивавшейся в религиозном ключе, показал значительные достижения в военной и социальной сферах. Но миссионерская деятельность этих орденов была явно далека от христианских принципов, а взаимоотношения орденов друг с другом, светскими и духовными властями критиковали ещё современники.

Таким образом, проблема религиозного идеала занимала в культуре европейского рыцарства одно из важнейших мест. Воины не только декларировали свою принадлежность к христианству, но и предпринимали достаточно серьезные шаги для его достижения, исходя из специфики своей деятельности. Однако уклонение от выработанного Церковью вероучения, пренебрежение святоотеческими традициями, корпоративный эгоцентризм рыцарства обусловили недостижимость искомой цели.

Список работ автора по теме диссертации:

1. Элементы христианской и варварской культур в рыцарском автостереотипе // Вестник московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: МГУ, 2008. №2. (0,4 п.л.)
2. Христианство и война в концепции св. Августина // На рубежах эпох: стиль жизни и парадигмы культуры. Сб. науч. трудов. Вып. 2. М.: МГОПУ, 2005. (0,4 п.л.)
3. Проблема войны и мира в христианстве // Актуальные вопросы культурологии. Вып. V. М.: ГАСК, 2005. (0,5 п.л.)
4. Духовный феномен рыцарских орденов // Культура на рубеже эпох. Вып. 3. М.: МГГУ, 2007. (0,3 п.л.)
5. Идеалы и реалии крестовых походов // Культура на рубеже эпох. Сб. науч. трудов. Вып. 4. М.: МГГУ, 2008. (0,3 п.л.)
6. История культур и цивилизаций. Программа и методические рекомендации (в соавторстве с д.ф.н., проф. Г.А. Аванесовой, к.культ. Е.Н. Тетериной). М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. (4,0 п.л.)

Отпечатано в ООО «Компания Спутник+»
ПД № 1-00007 от 25 09.2000 г.
Подписано в печать 25.11.08.
Тираж 100 экз. Усл. п л. 1,5
Печать авторефератов: 730-47-74, 778-45-60